

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ
ДОЛГОСРОЧНОЙ ОРИЕНТАЦИИ***

© 2016 г. Т.А. Нестик**

***THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF LONG-TERM
ORIENTATION***

T.A. Nestik

Рассматриваются нейробиологические, психологические и социальные механизмы, лежащие в основе долгосрочной ориентации личности и социальной группы. Описываются факторы, повышающие востребованность долгосрочной ориентации в российском обществе, и обсуждаются психологические барьеры, затрудняющие ее формирование: дисконтирование будущего, низкий уровень социального доверия, фатализм, коллективные тревожные состояния и страхи. Приводятся данные исследований, указывающие на связь ориентации на долгосрочное будущее с разнообразием социальной сети («связывающий» социальный капитал), числом социальных групп, с которыми себя идентифицирует личность, а также с просоциальными установками. Показано, что в социальных группах предикторами способности ставить долгосрочные цели и анализировать будущие возможности и риски являются групповое доверие, лидерское видение и групповая рефлексивность. Намечаются направления действий для формирования долгосрочного и

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 15-06-08249.

** Нестик Тимофей Александрович, доктор психол. наук, профессор РАН, и.о. заведующего лабораторией социальной и экономической психологии ФГБУН Институт психологии РАН, nestik@gmail.com.

позитивного образа коллективного будущего в российском обществе: создание институциональных стимулов к долгосрочному планированию индивидуальной и коллективной жизнедеятельности; развитие коллективного воображения, целенаправленное формирование «памяти о будущем»; создание сетевых сообществ для выработки образа будущего и запуска самосбывающихся пророчеств.

Ключевые слова: долгосрочная ориентация, форсайт, дисконтирование будущего, коллективный образ будущего, социальное прогнозирование, временная перспектива, социальная идентичность, управленческие команды, доверие, групповая рефлексивность.

The neurobiological, psychological and social mechanisms were considered that were underlying the long-term orientation of persons and groups. The antecedents of the Russian society need in long-term orientation were described; its psychological barriers were discussed: future discounting, low social trust, fatalism, collective anxiety and fears. The empirical data showed that the distant future orientation was related to the personal social network diversity (bridging social capital), quantity person's group identities, and prosocial attitudes. In social groups the ability to set the distant collective objectives and to analyze future possibilities and risks was predicted by group trust, leadership vision and group reflexivity. The directions of actions were proposed to support the building of long-term and positive image of collective future in Russian society: providing institutional incentives for long-term planning of individual, organizational and social life; development of collective imaginary and "memory about future"; creation of network communities to forge a collective image of the future and to initiate self-fulfilling prophecies.

Keywords: long-term orientation, foresight, future discounting, collective image of the future, social forecasting, time perspective, managerial teams, trust, leadership vision, social identity, group reflexivity.

Несмотря на растущую скорость изменений, организациям, сообществам и правительствам приходится принимать решения, имеющие долгосрочные

последствия. Турбулентное, меняющееся общество 21 века оказалось в парадоксальной ситуации: чем более неопределенным оказывается будущее (Нестик, Журавлев, 2010; и др.), чем сложнее мир и чем труднее полагаться на прогнозы и сценарии, тем больше управляемость социальной системы зависит от способности элит формировать долгосрочный образ желаемого будущего. Не только российским элитам, но и российскому обществу в целом все более необходима *долгосрочная ориентация*, то есть способность членов социальной группы ставить отдаленные во времени цели, готовность жертвовать сиюминутными благами ради долгосрочных преимуществ, способность учитывать долгосрочные последствия внешних изменений и собственных решений.

1. УРОВЕНЬ ДОЛГОСРОЧНОЙ ОРИЕНТАЦИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В кросс-культурных исследованиях под долгосрочной ориентацией принято понимать ориентацию на получение выгод в будущем, предполагающую настойчивость и упорство в настоящем (Hofstede, Bond, 1988; Hofstede, 2001; Spector, 2001; Hofstede, Minkov, 2010). Растущая *потребность российского общества и системы управления государством в долгосрочной ориентации* обостряется целым рядом обстоятельств.

Во-первых, принятые и обсуждаемые программы экономических реформ рассчитаны на длительные периоды времени и поначалу могут приводить не к улучшению, а к ухудшению положения. Для их реализации необходимо формирование долгосрочного образа будущего, увязывание частных интересов с долгосрочными целями государства (Аузан, 2015; Аузан, Никишина, 2013).

Во-вторых, краткосрочная ориентация инвесторов является одним из важнейших барьеров для инноваций в России, а долгосрочный горизонт планирования выступает в качестве ведущего фактора экономического развития (Балацкий, 2010). Данные, собранные в 93 странах, свидетельствуют о том, что долгосрочная ориентация тесно связана с экономическим развитием

(Hofstede, Minkov, 2010; Venaik et al., 2013). Кросс-культурные исследования указывают на то, что долгосрочная ориентация также связана с инвестициями в НИОКР (Wang et al., 2016). Сопоставление данных кросс-культурных исследований по 73 странам позволило выявить две универсальные характеристики временной перспективы: ориентацию на будущее (значимость будущего) и долгосрочную ориентацию (планирование долгосрочных целей и упорство в их достижении). При этом значимость будущего оказалась прямо связана с уровнем экономического развития (Milfont, Garski, 2010). Выявлена связь между долгосрочной ориентацией руководителей и конкурентоспособностью национальных экономик (Ушаков, Журавлев, 2008; Javidan, 2007; Venaik et al., 2013). Среди экономистов все большее признание получает точка зрения, согласно которой краткосрочная временная перспектива пагубна для национальных и глобальных рынков (Martin, 2015; Sinfield, Trotter, 2016).

В-третьих, рост амбиций России на международной арене требует долгосрочной национальной стратегии, рассчитанной на десятилетия, учитывающей конкурентные преимущества, возможности роста производительных сил и потребность в альянсах (Барабанов и др., 2016; Тимофеев, 2014; Глобальная система на переломе..., 2016).

Наконец, долгосрочная ориентация способствует формированию человеческого и социального капитала. Кооперация и альтруизм являются выигрышными стратегиями только в долгосрочной перспективе (Axelrod, 1990; Eibl-Eibesfeldt, 2000; Novak, Highfield, 2010; Боулз, 2011). При длинном плановом горизонте в обществе повышается роль репутации, происходит интериоризация норм честности (Полтерович, 2015, 2016). Историко-культурные исследования указывают на то, что формирование неопределенного и негативного образа будущего является признаком низкой жизнеспособности крупных социальных систем (Polak, 1973).

Между тем, как наши исследования, так и исследования других авторов свидетельствуют о том, что *российское общество характеризуется*

краткосрочным планированием жизни и неопределенностью образа коллективного будущего. Низкий уровень институционального доверия (см.: Доверие и недоверие ..., 2013; и др.) ограничивает социальное воображение ближайшим будущим: горизонт планирования россиянами своей жизни не превышает 2-3 лет, а горизонт прогнозирования будущего для трех пятых россиян составляет и того меньше – лишь несколько месяцев (Дубин, 2011).

Анализ данных ВЦИОМ за 2008 – 2016 гг. свидетельствует о том, что число россиян, стремящихся строить долгосрочные планы (на несколько лет), неуклонно росло от 13% в 2008 г. до 19% в 2013 г., 29% в 2014 г., 46% в 2015 г., но в 2016 г. сократилось до 42% опрошенных (см. рис.1).

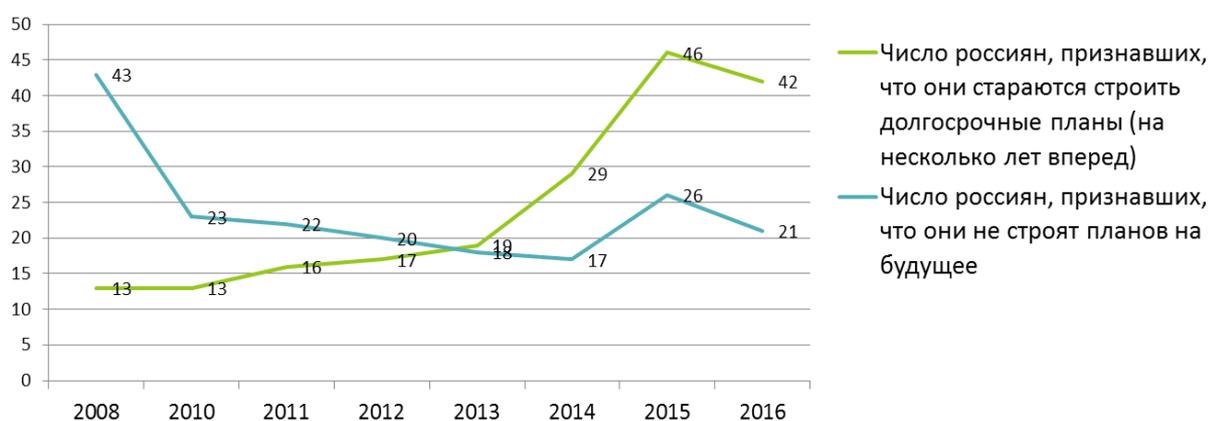

Рис. 1. Планирование россиянами собственной жизни в 2008-16 гг. по данным ВЦИОМ, в % от общего числа респондентов (график построен нами на основе данных базы «Архивариус», <http://wciom.ru>).

Согласно регулярным общероссийским опросам «Левада-центра», почти половина россиян (46%) «не знают, что будет даже в ближайшие месяцы», треть (33%) могут планировать лишь «на 1–2 года вперед», каждый десятый – «на 5–6 лет» и лишь 5% россиян планируют «на много лет вперед» (Волков, 2016). Как указывает Д. Волков, опираясь на свой опыт проведения фокус-групп, «на прямые вопросы люди обычно отвечают, что будущее «смутное», «призрачное», «туманное», «неопределенное». Или же говорят: «не могу планировать», «не знаю», «нет представлений». Будущее предстает чаще всего просто как продолжение настоящего («будет лучше» или «похуже», «цены

поменьше», «экология получше», чем сейчас) или его отрицание («не будет безработицы», «цены не будут расти», «войны не будет», «Европейский союз распадется»). Часто для рядовых россиян будущее проступает как расплывчатый и малосодержательный рисунок: «солнышко светит», «детки играют». <...> Звучит мнение, что выгоды от реформ можно будет почувствовать лишь в отдаленном будущем, а с издержками придется столкнуться уже сегодня. Результатом таких рассуждений оказывается желание отодвинуть реформы «на потом», чтобы цену за них платил кто-то другой. <...> Оказывается, что характеристику, которой респонденты с готовностью наделяют практически любого российского политика, – «не думает о стране», «думает лишь о собственном кармане» – можно применить к самим россиянам» (Волков, 2016).

Проведенное нами в 2012 г. исследование среди студентов г. Москвы (N=1477; 41% – мужчины, 59% – женщины, средний возраст – 20 лет), показывает, что для подавляющего большинства респондентов максимальный горизонт планирования своей жизни не превышает 3-5 лет (87,4%). При этом 54% не строят жизненных планов далее, чем на 6 месяцев, а доля тех, кто заглядывает за горизонт 10 лет, – всего 4%. Большинство заглядывают в будущее России на 1-5 лет (32,6%), другая часть опрошенных – на 6-10 лет (26,2%). Лишь 10% опрошенных задумываются о будущем России, которое наступит более чем через 20 лет (см. рис.2).

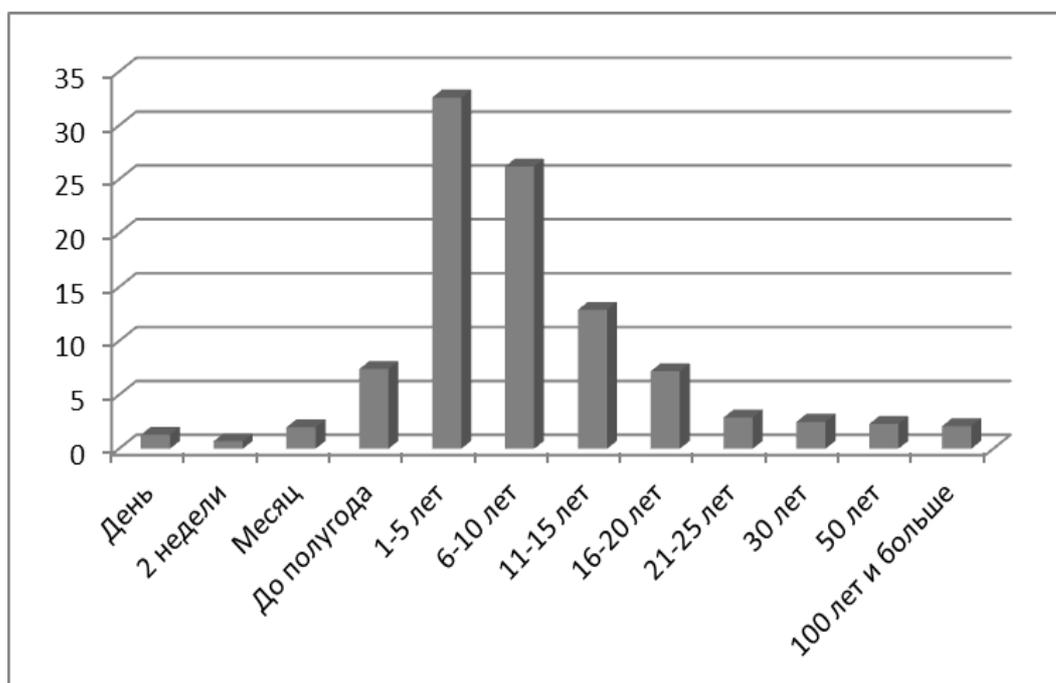

Рис. 2. Протяженность представлений о будущем России в % от общего числа респондентов («Когда я задумываюсь о будущем России, то имею в виду события, которые произойдут через...», N=1477).

Опрошенные нами респонденты убеждены в прогнозируемости будущего, но считают его мало управляемым. Так, например, более 52% считают, что будущее России не зависит от их усилий. Эти данные хорошо согласуются с результатами других исследований, проведенных в последние годы российскими социологами. Так, например, по данным исследования, проведенного в 2012 г. Институтом социологии РАН, лишь 45% россиян уверены в осуществимости того, о чем они мечтают (О чем мечтают россияне..., 2012, с. 140-141; Горшков, 2012; Горшков, Тихонова, 2013).

Будущее страны чаще обсуждается респондентами, чем коллективное прошлое. Только 25% приятно вспоминать прошлое своей страны, и лишь 15% обсуждают его в повседневных разговорах. При этом о будущем России приятно думать лишь 28% опрошенных, но довольно часто обсуждают его 49%. Таким образом, как в оценке прошлого, так и в оценке будущего преобладают негативные суждения, однако будущее обсуждается чаще, так как включено в

планирование жизненного пути (Нестик, 2015). Преобладание негативных событий в исторической памяти россиян о недавнем прошлом подтверждается данными российских социологов (Петренко, 2011). По-видимому, коллективная память влияет и на представления о будущем (Емельянова, 2016).

По данным ВЦИОМ на ноябрь 2016 г., индекс социального оптимизма на протяжении всей постсоветской эпохи оставался негативным и в последние два года демонстрирует неуклонное снижение от – 4 в 2014 г. к – 49 в 2016 г. Иными словами, большинство ожидает, что самые тяжелые времена еще впереди (см. рис. 3).

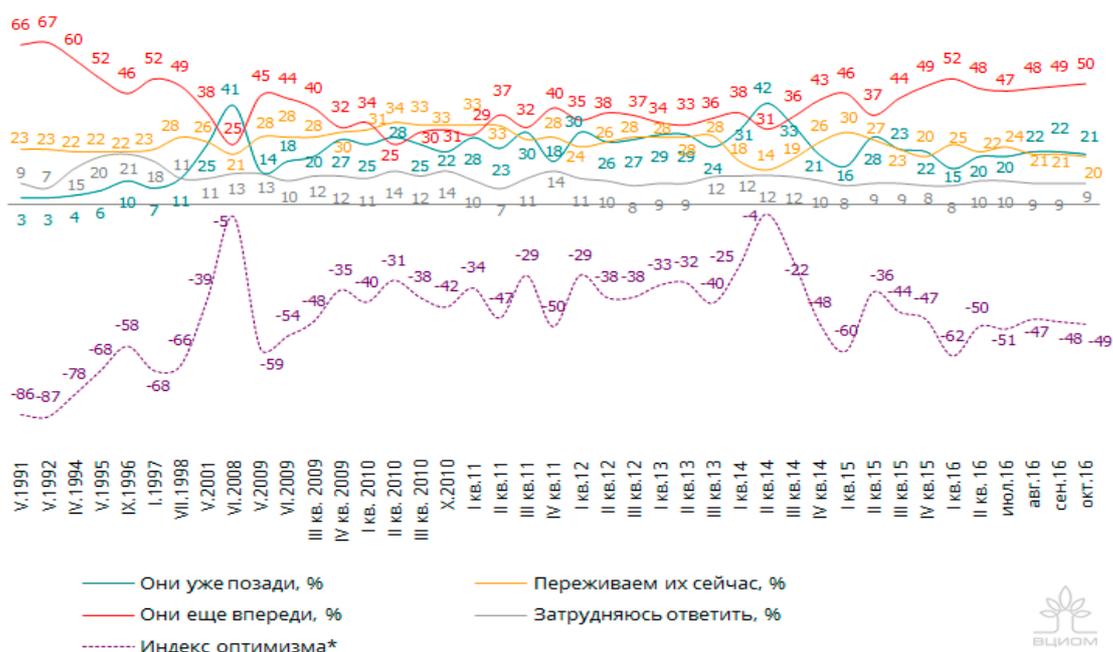

Рис. 3. Индекс социального оптимизма. Ответы на вопрос: Как Вы думаете, мы переживаем сейчас самые тяжелые времена, или они позади, или еще впереди? (по данным ВЦИОМ на ноябрь 2016 г., Источник: http://wciom.ru/news/ratings/indeks_soc_ozhidanij/).

Фаталистический образ будущего тесно связан с уровнем ксенофобии и напряженностью межгрупповых отношений. Рост социальной напряженности в молодежной среде сопровождается снижением долгосрочной ориентации, негативной оценкой будущего, выраженной ориентацией на прошлое. Об этом убедительно свидетельствуют эмпирические исследования отношения к

времени у жителей стран постсоветского пространства в 1990-е гг. (Муздыбаев, 2000; Наумова, 1997; Нестик, 2003; Россия в глобализирующемся мире ..., 2007; Современная социальная реальность ..., 2014; Солдатова, Нестик, 2011).

Всплеск националистических движений и ксенофобии среди молодежи в России 1990-2000-х характеризовался преувеличенно позитивной оценкой прошлого и глубоко пессимистическими, негативно-фаталистическими ожиданиями относительно будущего (Гудков, 2005; Солдатова, Нестик, 2011). Заметим, что апокалиптическая художественная литература и соответствующие компьютерные игры и сегодня пользуются у российской молодежи высокой популярностью. Большая часть данной литературы может быть отнесена к образцам речи ненависти. В произведениях этого жанра будущее России предстает как война всех против всех, здесь в изобилии можно найти подробные описания межнациональной розни и массовых убийств (ряд книг проектов «Метро 2034» и «Сталкер», книги «Мародер» и «Мститель», вышедшие под псевдонимом Беркем аль Атоми и др.).

Как известно, утрата веры в будущее является одной из причин кризиса коллективной идентичности (Хёсле, 1994). Связь страха перед будущим и ксенофобии усиливается в обществе риска. Согласно У. Беку, человеку очень сложно ориентироваться в современном мире, ибо тенденция такова, что мир близких людей сужается, а чуждые сообщества, о которых известно немного, становятся все опаснее. Поэтому «понятие «чужого» обретает невиданную мощь и силу потому, что все мы сталкиваемся с вызовами и неопределенностями, которые делают людей чужими друг для друга (Бек, 2008). Это порождает страх, неприятие и ксенофобию – новые риски, для управления которыми необходимо целенаправленно формировать критический и в то же время позитивный коллективный образ будущего.

В условиях высокой неопределенности (см.: Нестик, Журавлев, 2010; и др.) образ будущего становится более важным для управления социальной системой, чем прогнозы и сценарии, так как позволяет влиять на будущее, сделать вероятным тот вариант развития событий, о котором договорились

заинтересованные стороны (Portaleoni et al., 2013). Не случайно в тех странах, которые совершили экономический прорыв в короткие сроки, был образ будущего, отчетливо сформулированный элитами (в прошлом нашей страны примером может служить реформа П.А. Столыпина и реализованная советской властью индустриализация, а за рубежом – видение будущего Сингапура).

Между тем, экспертный опрос, проведенный ИС РАН и ИГ «ЦИРКОН» в июле-октябре 2015 г., свидетельствует о том, что среди российских политических и интеллектуальных элит преобладает пессимистический образ будущего России (Задорин и др., 2016). Приводимые А.А. Аузаном результаты опроса среди 124 членов Экспертного совета при Правительстве РФ, проведенного в 2014 г., указывают на то, что государственные решения принимаются у нас с горизонтом планирования от 1 до 3 лет, тогда как желательный горизонт составляет более 10 лет (Аузан, 2015). Эта картина дополняется данными других экономистов. Так, например, в 2009 г., относительно благополучном, по сравнению с 2016 г., горизонт планирования государственных инвестиционных проектов в российских регионах был короче, чем горизонт проектов западных инвесторов (Балацкий, 2010).

На причины такой «близорукости» руководителей государственных и частных организаций проливают свет два наших исследования. Результаты проведенных нами фокус-групп, а также интервью с экспертами (N=74, 89% мужчин, 11% женщин; 30% – руководители среднего звена, 25% – топ-менеджеры, 45% – собственники) свидетельствуют о том, что российские руководители характеризуются краткосрочной ориентацией. Так, подавляющее большинство экспертов согласилось с тем, что работа со стратегией и маршрутными картами в России отличается от стратегических разработок в других странах (78%). Основные отличия связаны с более *высокой политической и законодательной нестабильностью, необходимостью учитывать большее количество факторов и сценариев, скептическим отношением к долгосрочным прогнозам и самим технологиям прогнозирования, зависимостью будущего от неэкономических факторов (связей с властью,*

коррупции), которая снижает интерес к экономическим прогнозам (Нестик, 2015).

Другое наше исследование было направлено на выявление структуры представлений менеджеров о барьерах прогнозирования отдаленного будущего, а также на определение той роли, которую играет корпоративная культура в формировании групповой перспективной рефлексивности – ориентации управленческой команды на анализ будущего (Курейченко, Журавлев, 2010; Журавлев, Нестик, 2011; Культура и поведение в организации ..., 2008; Национальная программа ..., 1997; и др.). Руководителям крупных промышленных и энергетических российских компаний (N=95, 53% руководители среднего звена, 47% – топ-менеджеры) предлагалось оценить степень, в которой данные причины актуальны для их собственных организаций. Факторный анализ позволил выделить 5 основных групп причин, блокирующих, по мнению респондентов, готовность управленцев к анализу долгосрочных возможностей и рисков: 1) низкий уровень доверия в управленческой команде и личная незаинтересованность в долгосрочном совместном будущем; 2) перегруженность оперативными вопросами и апатия, вызванные размыванием стратегических приоритетов; 3) необоснованная вера в незыблемость достигнутого благополучия; 4) высокая политическая и экономическая нестабильность; 5) непостоянство состава управленческой команды. Таким образом, уровень социальной интеграции является самым важным из факторов, влияющих на готовность группы к анализу долгосрочного будущего, объясняя 20% всей дисперсии значений. Как оказалось, выраженность данных характеристик управленческой команды статистически не зависит ни от числа сотрудников организации, ни от продолжительности ее существования, ни от долгосрочности официально выбранных компанией стратегических целей (Нестик, 2014б).

Проведенный нами в 2014 г. экспертный опрос среди организаторов и ведущих форсайт-сессий в российских компаниях (N=42, в опросе приняли участие ведущие форсайт-сессий АСИ и Сколково, эксперты Форсайт-центра

НИУ-ВШЭ), показал, что в число наиболее влиятельных барьеров, препятствующих претворению в жизнь результатов форсайтов, вошли социально-психологические барьеры: *предвзятое отношение к прогнозированию и планированию долгосрочного будущего, а также низкая заинтересованность управленческих команд в принятии на себя ответственности за долгосрочное будущее* (см. табл. 1).

Таблица 1. Ответы экспертов на открытый вопрос «Что, на Ваш взгляд, служит основными препятствиями для проектов, связанных с прогнозированием будущего в России?» (N=42)

	% от всех ответов	% ответивших респондентов
Низкая осведомленность руководителей о технологиях форсайта (отсутствие культуры проведения таких мероприятий в России, недоверие методу)	14	27
Низкая ориентация на будущее	11	22
Незрелость рынка форсайтов (использование административных ресурсов для продвижения "своей" методики ВШЭ, ЦСР, АСИ; отсутствие конкурентного рынка форсайтов; отсутствие адаптации и разработки собственных методологий в РФ; отсутствие сценарного анализа в методологии и т.п.)	10	19
Слабая обратная связь между государством и обществом	9	16
Отсутствие квалифицированного заказчика	9	16
Неготовность руководителей взять на себя ответственность за свое будущее	9	16
Низкий уровень социального доверия и культуры сотрудничества	7	14
Использование форсайта как инструмента для манипуляций	7	14
Краткосрочно ориентированная система государственного управления (законодательные ограничения; несовершенство бюджетных механизмов, планирование на 1-3 года, диспропорции в межбюджетных отношениях)	7	14
Фатализм и выученная беспомощность (неверие людей в перемены)	4	8
Отсутствие связи между результатами форсайта и программой дальнейших действий	4	8

Низкий уровень экспертов	4	8
Нестабильность "правил игры" в политической и экономической жизни страны	3	5

Обобщая полученные данные, можно сделать вывод о том, что ключевыми социально-психологическими причинами краткосрочного горизонта принятия стратегических решений россиянами, – как при планировании своей собственной жизни, так и при обсуждении будущего российских государственных и частных организаций, – оказываются низкое социальное доверие и неверие в свою способность повлиять на будущее (см. также: Доверие и недоверие ..., 2013; и др.).

2. НЕЙРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОЛГОСРОЧНОЙ ОРИЕНТАЦИИ

В основе краткосрочной ориентации лежат эволюционно обусловленные когнитивные механизмы. Эффект, известный как *дисконтирование будущего* или временная «близорукость», имеет нейробиологическую подоплеку (Berns et al., 2007; Daly et al., 2009; Ключарев и др., 2011). При принятии решений, связанных с возможностью получения немедленного вознаграждения, активизируется эволюционно более древняя лимбическая дофаминэргическая система, сдвигающая наш выбор в пользу синицы в руках, а не журавля в небе (McClure et al., 2004). При выборе между 100\$ сегодня и 120\$ через 1 месяц люди склонны иррационально выбирать немедленное вознаграждение. Но при выборе между 100\$ через 12 месяцев и 120\$ через 13 месяцев большинство выбирает второй вариант: основную роль здесь играет уже не прилежащее ядро мозга («центр удовольствия»), а эволюционно более молодая префронтальная кора головного мозга. То есть, *при отсутствии альтернативы «здесь и сейчас», мы склонны к более рациональным, долгосрочно ориентированным решениям.*

При принятии экономических решений доходы дисконтируются по более высокой ставке, чем возможные потери, – так называемый «эффект маркировки» (Thaler, 1981). *Дисконтирование будущих выгод и рисков, по-видимому, подчиняется разным психологическим механизмам.* Например, уровень рефлексивности личности прямо связан с готовностью откладывать вознаграждение, но не оказывает никакого влияния на выбор между потерями сейчас и потерями в будущем (Hardisty, Weber, 2009; Hardisty et al., 2013). Данные нейробиологии указывают на различия между когнитивными механизмами дисконтирования будущего и избегания потерь: у испытуемых, подверженных эффекту маркировки, наблюдается более высокая мозговая активность при росте величины и ожидания потерь, чем при увеличении выгод и времени их ожидания (Tanaka et al., 2014). Иными словами, угрозы потерь, – как сейчас, так и в долгосрочном будущем, – оказываются более значимым аргументом, чем отдаленные выгоды.

По мере увеличения временной дистанции недооценка будущего растет неравномерно и в долгосрочном горизонте уменьшается (Frederick et al., 2002). Например, в эксперименте, проведенном Т. Гриджалва и ее коллегами, 119 студентов принимали решения о вложениях в государственные сберегательные облигации для борьбы с глобальным потеплением, вознаграждение по которым могли получить не только они сами, но и их потомки. При временном горизонте 100 лет разница между немедленным и отложенным вознаграждением составила в среднем 4,9% в год и 0,5% при приближении к 100 годам. При этом испытуемые, оптимистически оценивающие технологический прогресс и растущие возможности по управлению климатом, были менее склонны вкладывать свои деньги на длительный срок (Grijalva et al., 2014). Эти данные говорят о том, что *долгосрочная ориентация личности при принятии решений в значительной степени зависит от того, нужно ли жертвовать чем-либо в настоящем ради среднесрочного будущего или же выбор делается между разными вариантами будущего.*

Подверженность эффекту дисконтирования будущего различается в зависимости от *социально-демографических и личностных характеристик* (Odum, 2011; Halfmann et al., 2013), а в случае с экологическими рисками дисконтирование будущего связано еще и с этическими соображениями (Hendrickx, Nicolaij, 2004). Некоторые исследователи справедливо указывают на возможность расхождения между эволюционно обусловленными когнитивными механизмами дисконтирования будущего и социальными нормами, которые поддерживают долгосрочную ориентацию в некоторых культурах (Hardisty, Weber, 2009; Wang et al., 2016). Взаимодействие групповых норм, эффектов групповой динамики и индивидуальных когнитивных процессов при дисконтировании будущего остается задачей будущего, решение которой возможно лишь при объединении усилий социальных психологов, экономистов и нейробиологов с целью выполнения междисциплинарных исследований (Психология: современные направления ..., 2003; и др.).

Реализация стратегических коллективных или индивидуальных жизненных проектов требует высокой и устойчивой ориентации на долгосрочные цели. Между тем, в работах З. Залесского и Т. Гисме был обнаружен эффект ослабления мотивации при отдалении цели в будущее (Zaleski, 1987). Причем, этот эффект наблюдался у испытуемых, ориентированных на достижения, тогда как у тех, кто ориентирован на избегание неудач, он был выражен значительно слабее. Выяснилось также, что чем более лично значима цель, тем более близкой во времени она нам кажется (Gjesme, 1981). Людям с протяженной временной перспективой отдаленные события кажутся более близкими, чем тем, у кого временная перспектива короче. Иными словами, лидеры с высокой ориентацией на достижения и краткосрочной временной перспективой могут быть более склонны пренебрегать долгосрочными последствиями своих решений.

По-видимому, *краткосрочная ориентация связана с культурными и экономическими факторами*. Согласно предположению исследователя экономической неопределенности Э. Барталона, опирающегося на идеи

лауреата Нобелевской премии М.Алле, в период быстрого экономического роста, высокой инфляции и больших перемен ожидания формируются без опоры на прошлые события. Люди быстро принимают решения, а общество смотрит в будущее. В периоды же сильного замедления инфляции, дефляции, застоя общество начинает все больше привязываться к прошлому (Barthalon, 2014; Буев, 2014; Буев, 2016). Эмпирические данные по 22 странам за 1965-85 гг., полученные М. Бондом и Г. Хофстедом, дали основание утверждать, что между долгосрочной ориентацией и экономическим ростом существует прямая связь (Hofstede, Bond, 1988; Spector, 2001). Анализ больших данных (поисковые запросы в Google из 45 стран) показывает, что интерес к будущему прямо коррелирует с уровнем ВВП на душу населения. Так, в 2010 г. коэффициент корреляции между ориентацией на будущее у интернет-пользователей и ВВП составил 0,78 (Preis et al., 2012).

Выявлены и кросс-культурные различия в уровне дисконтирования будущего. Так, в исследовании 2009 г. студентам экономических факультетов 53 стран было предложено выбрать между двумя вариантами: получить 3400 \$ сейчас или 3800 \$ через месяц. Больше всего респондентов, готовых ждать, оказалось в Германии (89%), Бельгии (87%) и Швейцарии (87%), меньше всего – в Грузии (26%), Танзании (23%) и Нигерии (8%). В России ждать месяц согласились только 39%. Разница между странами сохранялась в ответах на другие два вопроса, когда ждать предлагалось дольше – год или 10 лет. Устранив возможное влияние различий в ВВП и уровне инфляции, авторы исследования выявили прямую зависимость дисконтирования будущего от культурных характеристик: избегания неопределенности и коллективизма (Wang et al., 2011; Буев, 2016). Вместе с тем, ряд исследований, наоборот, указывает на связь долгосрочной ориентации с коллективизмом (Shin et al., 2007; Snell, Hui, 2000; Maddux, Yuki, 2006). Так, например, по сравнению с американскими и канадскими компаниями, корпорации Восточной Азии более ориентированы на долгосрочное планирование. Как показывают данные некоторых исследований, представители коллективистических культур

придают большее значение долгосрочным последствиям событий, чем их коллеги из стран с индивидуалистической культурой (Maddux, Yuki, 2006).

Способность к долгосрочной ориентации и к жертвам в настоящем ради будущих благ является результатом длительной эволюции (Stevens, 2011). Эксперименты, проведенные на обезьянах, свидетельствуют о том, что при выборе между немедленным получением пищи и получением в 3 раза большего ее количества позже наши ближайшие эволюционные «родственники» способны терпеть лишь около 8 секунд (Stevens et al., 2005). В целом имеющиеся данные указывают на то, что временной горизонт у животных простирается от нескольких минут до одного дня (Roberts, 2002). *Расширение временной перспективы у людей происходило за счет развития доверия и кооперации, постепенно подкрепляясь общей моралью и верой в единого бога* (Baumeister, 2016).

Понятие долгосрочной ориентации стало широко использоваться в социальных науках после выхода в свет работы Дж. Тибо и Г. Келли, посвященной межличностным отношениям. Под ней принято понимать *воспринимаемую степень взаимозависимости результатов, при которой отношения оцениваются как выгодные для обеих сторон в долгосрочной перспективе* (Kelly, Thibaut, 1978). Стороны социального обмена, характеризующиеся краткосрочной ориентацией, озабочены лишь возможностями и результатами текущего времени, тогда как стороны с долгосрочной ориентацией стремятся к получению как непосредственной, так и будущей выгоды от отношений. Долгосрочной ориентацией могут характеризоваться не только индивиды, но также группы и организации (см.: *Культура и поведение в организации...*, 2008). Так, компании с краткосрочной ориентацией стремятся к осуществлению единовременных сделок («рыночных»), тогда как компании с долгосрочной ориентацией используют долгосрочные сделки («отношенческие») для максимизации полезности серии трансакций. Отношенческие сделки позволяют увеличить эффективность

инвестиций за счет использования сторонами уникальных ресурсов друг друга и разделения рисков (Ganesan, 1994).

С этой точки зрения, противоречивые данные о связи ориентации на будущее с уровнем коллективизма могут объясняться характером *социального капитала – уровня доверия и структуры отношений, связывающих личность с другими людьми*. Принято выделять два типа «социального капитала», отношений с другими людьми, которые мы можем накапливать на протяжении жизни. Первый из них связывает нас с членами своей группы, сплачивая ее изнутри (bonding), а второй связывает (bridging) нас с представителями различных других групп (Putnam, 2000). Наши исследования показывают, что долгосрочная ориентация и позитивный образ будущего связаны со вторым типом капитала: *личность и группы с разнородной сетью контактов, отождествляющие себя с более широкими социальными категориями, строят более долгосрочные планы, характеризуются более протяженной коллективной временной перспективой, то есть склонны думать о более отдаленном коллективном будущем*.

Наше исследование среди российских студентов в 2006–2009 гг. (N = 2153) показало, что ориентация на будущее прямо связана с разветвленностью социальной сети ($r = 0,136$ при $p = 0,001$), частотой получения информационной поддержки от знакомых ($r = 0,173$ при $p \leq 0,001$), а также с объемом социального капитала ($r = 0,195$ при $p \leq 0,001$), в том числе – с количеством знакомых, на помощь которых испытуемые рассчитывают в будущем ($r = 0,146$ при $p \leq 0,001$). Временная ориентация личности связана со структурой ее социального капитала: чем более выражена ориентация на будущее, тем больше разветвленность слабых связей; напротив, чем более выражена ориентация на настоящее, тем больше число тесных, дружеских связей. Оптимизм по отношению к будущему способствует формированию позитивного социального капитала, облегчающего социальный обмен «поверх границ», то есть между представителями различных социальных групп. Напротив, чем более негативным представляется испытуемым их будущее, тем выше уровень

негативного социального капитала («связи для своих»), ниже уровень доверия к незакононым людям и однороднее социальная сеть (Солдатова, Нестик, 2010; Нестик, 2014).

В другом исследовании, проведенном нами в 2012 г. среди студентов г. Москвы (N=381), была обнаружена прямая связь между долгосрочностью планирования респондентами своей жизни и склонностью идентифицировать себя с семьей и друзьями (соответственно, 0,143 при $p \leq 0,001$ и 0,102 при $p \leq 0,001$). По-видимому, ожидание поддержки со стороны близких людей дает возможность планировать свою жизнь на более длительный период. Напротив, отдаленность принимаемых во внимание событий будущего России прямо связана с ориентацией на «людей моего достатка» и «людей моей профессии» (соответственно, 0,126 при $p \leq 0,05$ и 0,121 при $p \leq 0,05$). То есть, трудовая деятельность и в широком смысле – экономическая активность, расширяют социальный контекст будущего, заставляют учитывать макросоциальные факторы при прогнозировании своей жизни (см.: Купрейченко, Журавлев, 2010; и др.).

Как оказалось, *включение личностью себя в широкие социальные категории повышает протяженность временной перспективы как в прошлое, так и в будущее*. Так, в нашем исследовании была обнаружена прямая связь между общей протяженностью временной перспективы и склонностью респондентов идентифицировать себя с «россиянами» и «человечеством» в данный момент (соответственно, 0,137 при $p \leq 0,05$ и 0,174 при $p \leq 0,001$). Испытуемым также предлагалось оценить, насколько они связывают себя с теми или иными социальными категориями, задумываясь о своем будущем. Выбор «россиян», «европейцев», «человечества» оказался тесно связан с протяженностью перспективы (см. табл. 2). При этом по другим, менее широким категориям социальной идентификации в настоящем и будущем (семья, друзья, соседи, коллеги, люди той же профессии и т.п.) значимой связи обнаружено не было (Нестик, 2015).

Таблица 2. Связь протяженности временной перспективы с социальной идентичностью личности (результаты корреляционного анализа, N=381)

	«Задумываясь о своем будущем, Вы склонны связывать себя с...»				
	Людьми Вашей национальности	Людьми Вашей религии	Россиянами	Европейцами	Человечеством
Протяженность временной перспективы	0,452**	0,403*	0,534**	0,283*	0,472**

** – $p \leq 0,001$; * – $p \leq 0,05$ (по критерию Спирмена).

Из полученных нами данных можно сделать вывод о том, что *включение себя в «ткань» замыслов других людей и социальных групп расширяет нашу временную перспективу.*

Другое важное условие расширения временной перспективы – *просоциальные установки и ценности, а также общее отношение к миру как дружественному и осмысленному.* Нами была установлена связь отношения к коллективному будущему с индивидуальными ценностями (методика ценностных ориентаций Ш. Шварца) и представлениями о мире (методики «Социальные аксиомы» М.Бонда и К. Леонга; методика «Базовые представления личности» Р. Янов-Бульман).

Положительная оценка будущего России связана с верой в справедливость и благосклонность мира, верой в доброту людей, доброжелательностью, терпимостью и социальной сложностью, то есть убеждением в том, что существует множество способов достижения цели и поведение людей зависит от обстоятельств. Напротив, отрицательная оценка коллективного будущего связана с недоверием к миру и социальным цинизмом, то есть с убежденностью в порочной природе человека, недоверием социальным институтам и обесцениванием этических норм (см. табл. 3). Недоверие миру и социальный цинизм не позволяют ставить долгосрочные совместные цели, формируют фаталистическое отношение к будущему.

Таблица 3. Связь ценностей, представлений о мире и отношения к будущему России (результаты корреляционного анализа, N=1477; 41% – мужчины, 59% – женщины, средний возраст 20 лет)

Ценности	Отдаленность принимаемых во внимание событий будущего России	Позитивная оценка будущего России	Зависимость будущего России от личных усилий
Гедонизм	- 0,310**	-	-
Достижения	0,137*	-	0,120**
Универсализм (широта взглядов)	-	0,160**	0,136**
Доброжелательность	-	0,178**	-
Самостоятельность	-	0,218**	0,216**
Социальная сложность	0,182*	0,201*	-
Социальный цинизм	-	- 0,212**	-
Оценка мира как благосклонного	-	0,369**	0,395**
Вера в справедливость мира	0,257*	0,449**	-
Вера в доброту людей	-	0,496**	0,318**
Оценка осмысленности мира	0,290**	0,501**	-
Осмысленность собственной жизни	-	0,370**	-

** – $p \leq 0,001$; * – $p \leq 0,05$ (по критерию Спирмена).

Чем выше социальная сложность, тем более отдаленные события принимаются во внимание при размышлении о будущем страны и тем более высокий уровень имеет оценка будущего России как протяженного (0,257 при $p \leq 0,001$) и далекого (0,389 при $p \leq 0,001$). Есть и ряд других данных, свидетельствующих о том, что отношение к коллективному будущему связано с представлениями о мире. Так, ориентация на гармонию в отношениях связана с оценкой будущего как долгосрочного (0,166 при $p \leq 0,05$), вера в судьбу связана с оценкой будущего России как успешного (0,187 при $p \leq 0,05$) и определенного (0,199 при $p \leq 0,001$). Чем выше религиозность, тем более будущее России представляется осмысленным (0,307 при $p \leq 0,001$) и зависящим от личных усилий (0,266 при $p \leq 0,001$). Характерно, что фатализм в отношении будущего оказался прямо связанным с уровнем авторитаризма правого толка (0,228 при $p \leq 0,001$). В целом, можно сделать вывод о том, что доброжелательность, толерантность, позитивное отношение к миру, убеждение

в неслучайности и осмысленности событий позволяет людям задумываться об отдаленном коллективном будущем и оптимистически его оценивать.

Однако мы живем в *обществе риска*, в котором систематически подрывается вера в доброжелательность окружающих людей и дружелюбность мира в целом. В обществе риска ценности безопасности преобладают над ценностями благосостояния, неприкосновенности частной жизни и личной свободы (Бек, 2000; Бек, 2008). Последствия экономического кризиса, коррупция и миграционные процессы, климатические изменения, природные и техногенные катастрофы вызывают в обществе тотальную неуверенность в системе и недоверие человека к окружающему миру (Доверие и недоверие ..., 2013; Соснин, Журавлев, 2013; Юревич, Журавлев, 2014; и др.). Стремительное развитие технологий приводит к тому, что человеку очень сложно ориентироваться в современном мире, технологическая «начинка» которого все менее понятна пользователям.

Наконец, мир близких людей сужается, а чуждые сообщества, о которых известно немного, кажутся все опаснее. В связи с этим политические и государственные структуры, отвечающие за безопасность (спецслужбы, защитные системы, контролирующие органы и т.п.), оказываются более востребованными и влиятельными, чем институты инновационного развития. В условиях быстрых изменений все более важным критерием эффективности власти становится время ее реакции на общественно значимые события: власть воспринимается как сильная, если реагирует на возникающие проблемы мгновенно.

Проведенный нами анализ *коллективных страхов*, связываемых с будущим России (Нестик, 2015), позволяет сделать два основных вывода. Во-первых, само содержание таких опасений относительно однородно и в общих чертах соответствует наиболее обсуждаемым рискам в средствах массовой информации. Во-вторых, для страхов по поводу коллективного будущего характерна амбивалентность: одни и те же люди опасаются и застоя, и революции. Иными словами, массовое сознание избегает крайностей.

Характерно также, что большинство страхов, связываемых респондентами со своим личным будущим («Думая о своем будущем, я опасаюсь...»), относятся к общественной, а не личной сфере. Более 54% тревог связано с общероссийскими или глобальными угрозами, и лишь 46% – с личными страхами (болезнь и смерть близких, одиночество, трудности в учебе, неудачный брак и т.п.). Таким образом, наше исследование дополняет данные, полученные ранее в социологических исследованиях и свидетельствующие о личностной включенности россиян в оценку ситуации в обществе и надеждах на жизнь в справедливом и разумно устроенном обществе (Двадцать лет российских реформ глазами россиян, 2011; О чем мечтают россияне, 2012).

Важно отметить, что по сравнению с тревогами, связываемые с коллективным будущим надежды в три раза более разнообразны по содержанию (контент-анализ позволил выделить более 20 самостоятельных семантических категорий). Как видно из результатов контент-анализа представлений о будущем страны, коллективные страхи и надежды различаются по содержанию и, по-видимому, играют разные социально-психологические функции. Опасения более однообразны по содержанию и носят крайний характер, то есть включают в себя наименее желательные сценарии развития событий. Надежды, напротив, более разнообразны, но при этом прагматичны.

Страхи выполняют функцию мобилизации коллективных ресурсов и адаптации к изменениям в условиях высокой неопределенности (см.: Нестик, Журавлев, 2010; и др.), тогда как надежды выполняют функцию сохранения позитивной идентичности и являются основой для планирования жизнедеятельности. Это предположение хорошо согласуется с данными, полученными нами при исследовании представлений о будущем в трудовых коллективах: относимые к будущему организации позитивные события более разнообразны, чем негативные; а позитивная оценка будущего прямо связана с силой позитивной групповой идентичности.

Проведенное нами исследование среди московских студентов (2012 г., N=191; 2016 г., N=365), позволило выявить динамику страхов перед будущим. При сравнении ядра и периферии представления об угрозах будущего в 2012 и 2016 гг. заметны существенные различия (см. табл. 4). В 2016 г. в состав ядра вошли понятия, бывшие в 2012 г. на его периферии: безработица, ядерная война, терроризм, политические риски. Из периферии в близкую к ядру зону «поднялись» страхи инфляции, социальной нестабильности, авторитаризма, миграции, страх за свою старость и судьбу детей. Напротив, из ядра и потенциальной зоны изменений в периферию сместились такие страхи, как «конец света», «одинокчество», «трудности в учебе», «неудачный брак», «коррупция». Стабильными элементами ядра остаются страхи войны, экономического кризиса, бедности, ухудшения экологии, неудовлетворенности жизнью, потери близких и неизвестности будущего в целом. При этом страх войны вышел на первое место и по частоте упоминания и по рангу.

По сравнению с 2012 г., в 2016 г. студенты стали в 2,5 раза чаще стали упоминать «экономический кризис», в 2 раза чаще – «инфляцию», «безработицу», «терроризм», «эпидемии». Напротив, в 2 раза реже стала волновать угроза «конца света», в 1,5 раза реже – «глобальные бедствия», «бездуховность в обществе», «тяжелые болезни и смерть», «нищета», «трудности в учебе», «неудачный брак», «одинокчество», «неудовлетворенность жизнью». По-видимому, экономические трудности могут затмить собой как глобальные риски, так и личные неурядицы.

Таблица 4. Прототипический анализ социальных представлений студентов об угрозах будущего в 2012 и 2016 гг.

Элементы структуры социального представления	Понятия-ассоциации (с указанием частоты встречаемости и среднего ранга) в ответах на открытый вопрос «Думая о будущем, я опасюсь...»	
	2012 (N=191)*	2016 (N=365)**
Ядро социального	Неудовлетворенность жизнью: ничего не добиться, не найти интересной	Война (153; 1,65) Неудовлетворенность жизнью:

представления	<p>работы, неудачи в карьере и т.п. (71; 1,76)</p> <p>Война (63; 1,67)</p> <p>Потеря близких (35; 1,83)</p> <p>Одиночество (33; 1,91)</p> <p>Конец света (24; 1,92)</p> <p>Ухудшение экологии: загрязнение природы, вымирание животных (21; 1,71)</p> <p>Бедность: нищета, неспособность обеспечить себя и семью (21; 1,95)</p> <p>Неопределенность: неизвестность, жизнь, будущее и т.п. (19; 1,42)</p> <p>Экономический кризис (18; 1,94)</p>	<p>ничего не добиться, не найти интересной работы, неудачи в карьере и т.п. (101; 1,64)</p> <p>Экономический кризис (98; 1,76)</p> <p>Безработица (61; 1,66)</p> <p>Потеря близких (58; 1,78)</p> <p>Ухудшение экологии: загрязнение природы, вымирание животных (40; 1,90)</p> <p>Неопределенность: неизвестность, жизнь, будущее и т.п. (37; 1,51)</p> <p>Ядерная война (32; 1,84)</p> <p>Терроризм (32; 1,88)</p> <p>Бедность: нищета, неспособность обеспечить себя и семью (31; 1,71)</p> <p>Политические риски: непродуманные решение политических лидеров, некомпетентность правительства, отсутствие перемен в стране и т.п. (30; 1,87)</p>
Потенциальная зона изменений социального представления (две подгруппы)	<p>Политические риски: непродуманные решение политических лидеров, некомпетентность правительства, отсутствие перемен в стране и т.п. (11; 1,55)</p> <p>Трудности в учебе: не закончить, не поступить и т.п. (11; 1,64)</p> <p>Ядерная война (11; 1,91)</p> <p>Неудачный брак (7; 1,43)</p> <p>Коррупция (3; 1,67)</p> <p>Нехватка ресурсов (2; 1,50)</p>	<p>Инфляция (24; 1,75)</p> <p>Конец света (17; 1,88)</p> <p>Социальная нестабильность: массовые беспорядки (15; 1,87)</p> <p>Авторитаризм: ужесточение законов, закрытие границ, запрет на технологии и т.п. (15; 1,93)</p> <p>Старость (13; 1,92)</p> <p>Глобальное потепление (8; 1,63)</p> <p>Судьба детей: в каком обществе будут жить мои дети и т.п. (4;</p>

		1,25) Мигранты: исламизация, вытеснение русских и т.п. (4; 1,50)
	Тяжелые болезни и смерть (52; 2,00) Глобальные природные катастрофы (25; 2,04) Бездуховность: утрата: обществом моральных ценностей, ожесточение, деградация общества и т.п. (18; 2,06)	Тяжелые болезни и смерть (79; 2,16) Глобальные природные катастрофы (33; 2,21) Одиночество (40; 1,95)
Собственно периферическая система социального представления	Крах государства: гражданская война, революция (14; 2,36) Безработица (11; 2,27) Техногенные экологические катастрофы (10; 2,00) Старость (9; 2,11) Авторитаризм: ужесточение законов, закрытие границ, запрет на технологии и т.п. (9; 2,11) Судьба детей: в каком обществе будут жить мои дети и т.п. (9; 2,00) Социальная нестабильность: массовые беспорядки (8; 2,13) Терроризм (7; 2,00) Мигранты: исламизация, вытеснение русских и т.п. (6; 2,00) Эпидемии (6; 2,00) Голод (5; 2,20) Глобальное потепление (4; 2,75) Выход технологий из под контроля (4; 2,75) Крах мировой экономики (3; 2,67)	Эпидемии (29; 2,24) Бездуховность: утрата: обществом моральных ценностей, ожесточение, деградация общества и т.п. (22; 2,14) Крах государства: гражданская война, революция (19; 2,05) Голод (12; 2,00) Нехватка ресурсов (11; 2,18) Трудности в учебе: не закончить, не поступить и т.п. (11; 2,00) Коррупция (10; 2,30) Неудачный брак (8; 2,25) Выход технологий из под контроля (6; 2,33) Техногенные экологические катастрофы (6; 2,00) Перенаселение (5; 2,40) Крах мировой экономики (4; 2,25) Нехватка питьевой воды (3; 2,33) Рост преступности (2; 2,00).

* - Условия включения понятия в зону 1: частота $\geq 15,4$; средний ранг $< 1,98$; условия включения понятия в зону 2: частота $< 15,4$; средний ранг $< 1,98$; условия включения понятия в зону 3: частота $\geq 15,4$; средний ранг $\geq 1,98$; условия включения понятия в зону 4: частота $< 15,4$; средний ранг $\geq 1,98$.

** - Условия включения понятия в зону 1: частота $\geq 29,9$, средний ранг $< 1,94$; условия включения понятия в зону 2: частота $< 29,9$, средний ранг $< 1,94$; условия включения понятия в зону 3: частота $\geq 29,9$, средний ранг $\geq 1,94$; условия включения понятия в зону 4: частота $< 29,9$, средний ранг $\geq 1,94$.

В целом, анализ представлений об угрозах будущего показывает, что они глубоко социальны, связаны в основном с политической и экономической ситуацией в стране. Коллективные страхи обладают большим потенциалом мобилизации и сплочения общества, что делает их привлекательным инструментом в руках корпоративных и политических лидеров. Так, например, наши исследования в трудовых коллективах российских организаций показывают, что в неформальном общении спланирует коллектив не столько отдаленная цель, сколько ближайшее будущее. Чувство общности с остальными членами трудового коллектива обратно связано с отдаленностью событий, которые сотрудник имеет в виду, думая о ближайшем прошлом и будущем своей организации (соответственно, $r = - 0,533$ при $p \leq 0,001$ и $r = - 0,373$ при $p \leq 0,05$). В отношении отдаленного прошлого и долгосрочного будущего статистических связей обнаружено не было. Возможно, именно обсуждение ближайших событий прошлого и будущего является наиболее значимым для сплочения коллектива перед лицом различных угроз существованию группы и высокой неопределенности (Нестик, 2015; Нестик, Журавлев, 2010; и др.).

В обществе риска политические элиты заинтересованы не столько в поддержке долгосрочно ориентированных национальных стратегических целей, сколько в формировании у граждан чувства безопасности, уверенности в защите при любом сценарии будущего. Управление тревогами по поводу

ближайшего будущего и «штамповка» коллективных страхов выгоднее, чем трудоемкое выращивание коллективных мечтаний.

Между тем, *алармизм* – мало эффективное средство консолидации общества в долгосрочной перспективе. Например, многочисленные исследования, посвященные информированию о глобальных рисках, свидетельствуют о том, что *запугивание менее эффективно, чем увязывание проактивных действий с повседневным опытом и возможностями улучшить свою жизнь* (O'Neill, Nicholson-Cole, 2009; Myers et al., 2012; Corral-Verdugo, 2012; Bore, Reid, 2014; Rakow et al., 2015). Кроме того, экспериментально доказано, что стремление избежать негативного исхода снижает креативность и повышает аналитические способности, тогда как стремление к позитивным целям подстегивает способность находить нестандартные решения, активируя правополушарную префронтальную кору нашего мозга. В частности, студентам было предложено провести воображаемую мышь из центра бумажного лабиринта к выходу. Одна группа испытуемых делала это, ведя мышь к швейцарскому сыру, а вторая группа избегала негативного исхода, уводя мышь от совы. После эксперимента первая группа решала на 50% больше задач на креативность (Friedman, Foerster, 2005). Не алармистский подход, не нагнетание тревоги повышают устойчивость общества в отношении «больших вызовов» будущего, а повышение коллективной осознанности, постановка долгосрочных совместных целей и развитие доверия.

Проведенные нами исследования управленческих команд российских организаций, показывают, что *позитивная оценка коллективного прошлого и будущего облегчает постановку более отдаленных целей, групповую рефлексивность, а также веру членов команды в свою способность изменить ситуацию, тогда как нагнетание тревоги снижает рефлексивность и сужает временную перспективу команды* (Журавлев, Нестик, 2011, 2012; Нестик, 2014б).

Сравнение трудовых коллективов с высокой и низкой отдаленностью обсуждаемых событий, относимых к долгосрочному будущему, показывает

наличие значимых различий ($p \leq 0,05$ по критерию Манна-Уитни) в уровне внутриорганизационного доверия, отношении к ошибкам как к возможности научения, ориентации руководства на долгосрочную перспективу, поддержке руководителем обмена опытом и мечтами о будущем между сотрудниками, ясности стратегических целей организации для сотрудников, уровне групповой рефлексивности и регулярности оценки группой своего продвижения к намеченным целям. Коллективы с высокой протяженностью групповой временной перспективы значимо реже переживают состояние паники, и значимо чаще – состояния надежды и подъема (Нестик, 2014б).

Проведенное нами исследование представлений топ-менеджеров российских организаций о предпосылках долгосрочной ориентации управленческих команд (N=169), позволило выделить пять факторов, объясняющих 64,6% дисперсии: 1) создание условий для непрерывного обучения на своем и чужом опыте (ИПР, управление талантами и т.п.); 2) постановка амбициозных долгосрочных целей, с которыми увязана система оценки деятельности и вознаграждения; 3) личная вовлеченность первых лиц и акционеров в обсуждение будущего в условиях кризиса; 4) доверие руководителей к топ-менеджменту и действующим процедурам принятия решений; 5) сильный авторитарный лидер с отчетливым видением будущего (Нестик, 2014а).

В исследовании, проведенном среди сотрудников российских компаний (N=443), было обнаружено влияние на протяженность групповой временной перспективы таких социально-психологических феноменов, как *групповая идентификация, лидерское видение, уровень группового доверия* (см. табл. 5). Было также обнаружено влияние позитивных эмоциональных состояний в группе на уверенность членов группы в предсказуемости коллективного будущего и способности команды влиять на него (Нестик, 2014б).

Таблица 5. Предикторы групповой ориентации на анализ долгосрочных рисков и возможностей (N=443)

Предикторы	Зависимые	R	R ²	F	P
------------	-----------	---	----------------	---	---

	переменные				
Лидерское видение	Ориентация группы на анализ долгосрочных рисков и возможностей	0,368	0,135	33,7	0,004
Групповое доверие		0,323	0,104	118,7	< 0,001
Организационная идентичность		0,351	0,123	16,1	<0,001
Долгосрочность бизнес-целей	Отдаленность будущего, обсуждаемого на совещаниях	0,426	0,182	176,9	<0,001

Нами было показано также, что лидерское видение будущего и групповая рефлексия – дополняющие друг друга механизмы формирования протяженной временной перспективы команды. Если *групповая рефлексия повышает способность управленческой команды адаптироваться к меняющимся условиям (стратегическую гибкость), то групповая идентификация на основе позитивного образа будущего выполняет совсем другую функцию – повышает приверженность совместным целям, несмотря на меняющиеся условия совместной деятельности* (см.: Совместная деятельность ..., 1988, 1992, 1997; и др.). Иными словами, сформированное лидерами видение мотивирует и сплачивает коллектив, одновременно ослепляя его, усиливая эффекты группового давления и сдвига к риску. Групповая рефлексивность, напротив, делает группу более чувствительной к информации, противоречащей коллективным базовым убеждениям. Несмотря на разнонаправленность этих процессов, они тесно связаны друг с другом: групповая рефлексия в отношении долгосрочного будущего возможна лишь при сохранении позитивной групповой идентичности (Журавлев, Нестик, 2011, 2012; Нестик, 2015).

Панические и тревожные коллективные состояния, возникающие при дефиците информации и воспринимаемой угрозе существованию трудового коллектива, также способны повышать ориентацию сотрудников на будущее. Это один из видов групповых эмоциональных состояний, возникающих под влиянием групповой идентификации, обмена переживаниями в межличностной коммуникации, сравнения членами группы своих переживаний друг с другом, а

также эмоционального заражения (Rhee, 2007; Zhang et al., 2013). Как показывает анализ предшествующих исследований, тревога по поводу будущего сужает внимание группы при принятии решений, снижает групповую креативность, одновременно повышая критичность членов группы по отношению друг к другу (Rhee, 2007). Тревожные состояния выполняют мобилизующую функцию, обостряя внимание коллектива к ближайшему будущему. Тем не менее, они запускают защитные групповые механизмы, призванные сохранить позитивную идентичность: идентификация смещается на совместное прошлое, тогда как будущее оценивается негативно. Таким образом, нагнетание тревоги по поводу будущего препятствует формулированию отчетливых и долгосрочных целей совместной деятельности и снижает устойчивость организации к изменениям.

Проведенный нами анализ культурно-исторических, нейробиологических и социально-психологических механизмов долгосрочной ориентации личности и группы показывает, что ключевую роль в ее формировании играет социальная интеграция: кооперация, доверие, расширение социальной сети и социальных категорий, с которыми себя идентифицирует личность («связывающий» социальный капитал), отчетливое лидерское видение будущего и постановка позитивных совместных целей, групповая рефлексия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что же необходимо предпринять для формирования долгосрочного и позитивного образа коллективного будущего в российском обществе? На наш взгляд, можно выделить три основных направления действий.

Во-первых, необходимы *институциональные стимулы к долгосрочному планированию индивидуальной и коллективной жизнедеятельности*. Необходимо закрепить «правила игры» в областях, связанных с развитием человеческого капитала. Чрезвычайно важно помочь гражданам России преодолеть ловушку выученной беспомощности: постепенно внедрять элементы прямого налогообложения, включать в систему налогообложения

возможности для налогоплательщика выбирать статьи бюджета, которые он поддерживает. Стимулами для долгосрочного планирования жизни может стать развитие накопительной пенсионной системы, а также расширение долгосрочных программ карьерного и профессионального развития.

Нужно увеличить горизонт планирования бюджета и создать экономические стимулы для «игры на длинных деньгах». Необходимо расширение инструментов долгосрочного вознаграждения топ-менеджеров: в Европе и США 80% совокупного дохода руководителей – «длинная пастила», опционы, у нас же – выплаты по итогам года (Милов, 2011). Наконец, нужно повысить престиж долгосрочно ориентированных компаний. Примеры таких мер уже существуют. Так, в январе 2016 г. на Давосском экономическом форуме шесть крупнейших глобальных пенсионных фондов, а также такие компании как Barclays и Unilever, объявили о создании нового индекса долгосрочности корпоративных инвестиций: S&P Long-Term Value Creation Global Index. Индекс призван изменить стандарты поведения руководителей компаний и инвесторов через примеры успешных долгосрочно ориентированных компаний (Forelle, Benoit, 2016).

Во-вторых, необходимо *развивать коллективное воображение, целенаправленно создавая «память о будущем»*. Образ будущего основан на работе, проделанной коллективным воображением в прошлом. Иными словами существует *коллективная память о будущем* (Barbrook, 2007; Samuel, 2009). Содержащая сделанные когда-то авторитетные прогнозы, образы фантастической литературы и кино, такая память служит опорой при социальном конструировании будущего. Рост охвата и доступности средств массовой информации, в том числе интернет-медиа, делают публичные прогнозы и художественные образы все более важным фактором повседневных представлений о завтрашнем дне. *За воспоминания о прошлом и конструирование будущего в нашем воображении отвечают одни и те же структуры мозга*. В частности, речь идет о зонах, расположенных в теменной и височной долях мозга, ретроспленальной коре, а также коре задней части

поясной извилины (Gaidos, 2008; Spreng, 2009). Известно также, что важную роль в прогнозировании играет гиппокамп, отвечающий за память (Buckner, 2010). Как выяснилось, нарушения в гиппокампе и потеря способности связывать друг с другом в памяти события прошлого приводят к утрате способности представлять собственное будущее (Kwan et al., 2010). Представлять будущее помогают знакомые пространственные образы: если мы помещаем будущие события в знакомое пространственное окружение, они представляются ярче. Именно с этим связана относительная яркость образов ближайшего будущего по сравнению с нашими представлениями о будущем отдаленном. Люди с трудом конструируют сценарии будущего, для представления которых нам не хватает образов собственной автобиографической памяти (Arnold et al., 2011). Таким образом, *для формирования видения желаемого будущего, нам необходим общий язык, набор образов и категорий.*

Самым массовым и мощным инструментом формирования такого языка для описания коллективной действительности сегодня остается телевидение и кинематограф. Ежегодно по заказу телеканалов, по данным KVG Research², в производстве находятся 750-850 сериалов (они снимаются часто годами). Сериалы в РФ смотрят 80% граждан страны. При этом абсолютное большинство этих картин – о настоящем и прошлом. Вот как выглядит распределение снятых в 2015 г. сериалов и телефильмов по времени действия сюжета: 73,1% – наши дни, 12,5% – советское время; 3,5% – до 1922 г.; 1,7% – 90-е гг. XX века; 0,2% – будущее; 9% – нет данных (см. также: Рувинский, 2016). Неудивительно, что россиянам так трудно представить будущее (см. приведенные нами наблюдения Д. Волкова), ведь нашему воображению просто не хватает для этого образов и сценарных схем.

² <http://www.kvgresearch.ru/news/464/>

В-третьих, необходимо *создание сетевых сообществ для выработки образа будущего и запуска самосбывающихся пророчеств*. Необходимы публичные пространства для стратегического диалога о будущем и конструирования коллективных ожиданий. Задачей в данном случае должно быть не столько предсказание будущего (социальное прогнозирование, основанное на краудсорсинге и «мудрости толпы»), сколько его создание. Механизмом конструирования будущего в эпоху социальных медиа являются самосбывающиеся пророчества – публично сделанные предсказания ситуации, которые становятся частью этой ситуации и влияют на дальнейшие события. Наблюдая за словами и действиями друг друга, члены группы находят все больше подтверждений своим ожиданиям и все больше опираются на них в собственном поведении (Merton, 1948).

В условиях неопределенности и отсутствия отчетливого долгосрочного лидерского видения будущего *социальные ожидания, формирующиеся в сетевых сообществах, воздействуют на настоящее, запуская и легитимируя технологические и социальные изменения* (Borup et al., 2006; Adam, 2011; Van Lente, 2012; Beckert et al., 2013). В России уже немало примеров таких сетевых сообществ, созданных для конструирования будущего: Национальная технологическая инициатива, «Форсайт-флот» и «Точка кипения» Агентства стратегических инициатив, «Национальный молодежный форсайт» НИУ ВШЭ и др. В Институте психологии РАН начаты исследования по прогнозу развития психологической науки, в частности к 2030 г. Но пока они остаются площадками лишь для избранных экспертов и «технической молодежи». В такой ситуации необходимы очные, виртуальные и телевизионные технологии обсуждения будущего, которые были бы эффективны для разных поколений россиян и поддерживали бы «связь времен». Близкая по содержанию совокупность вопросов рассматривается также в целом ряде публикаций, которые, казалось бы, не прямо связаны с обсуждением будущего российского общества, но могут быть чрезвычайно полезными для развития предложенной в данной статье научной проблематики (Историческая психология ..., 2004;

Макропсихология ..., 2009; Новое в науках о человеке, 2015; Проблемы субъектов ..., 2007; Прогресс психологии ..., 2009; и др.).

В сфере СМИ и социальных медиа необходимо стимулировать издательские, телевизионные и интернет-проекты, ориентированные на диалог о прошлом и будущем России, о возможностях преодоления растущих коллективных угроз, формирование представлений об общности судьбы и ответственности граждан России перед своими потомками. Необходимы специальные усилия по формированию через СМИ и социальные сети позитивных долгосрочных сценариев развития России.

В сфере искусства могут быть организованы специальные фестивали, конкурсы и выставки, посвященные историческому прошлому и будущему страны, переключке эпох в российской культуре. В области науки необходимо поддерживать коллективные исследования, посвященные не только техническому и экономическому, но и социальному сценарному анализу, в частности, форсайт в области культуры, политических, межэтнических и межрелигиозных отношений. Необходимо поддерживать публичное обсуждение результатов таких исследований с привлечением известных политических, научных, культурных и религиозных деятелей.

Образовательные стандарты в школе и ВУЗах необходимо ориентировать на развитие таких компетенций, которые позволяют «работать с прошлым и будущим»: умения проводить исторические аналогии и опираться на историю при анализе ситуации в стране, умения анализировать жизненный опыт, накопленный предшествующими поколениями в своей семье; навыки долгосрочного планирования своей жизни, управления рисками, умения критически анализировать прогнозы.

Наконец, необходимо целенаправленно поддерживать различные формы долгосрочных партнерств и взаимопомощи, в которых добровольный обмен обязательствами происходит поверх групповых границ: профессиональные ассоциации, общества защиты вкладчиков, клубы бывших выпускников ВУЗов, организации молодых матерей и другие формы гражданского общества,

созданные с целью оказания взаимной помощи вне зависимости от политической и культурной принадлежности участников. Ориентация на долгосрочные отношения в рамках таких организаций создаст условия для генерализации доверия и формирования разнородной сети контактов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аузан А.А., Никишина Е.Н.* Долгосрочная экономическая динамика: роль неформальных институтов // Журнал экономической теории. 2013. № 4. С. 48-57.
- Аузан А.А.* Стратегия долгосрочного развития России: новизна подхода // Научные труды Вольного экономического общества России. 2015. Т. 196. С. 229-241.
- Балацкий Е.В.* Роль оптимизма в инновационном развитии экономики // Общество и экономика. 2010. № 1. С.3-20.
- Барабанов О.Н., Бордачёв Т.В., Лукьянов Ф.А., Сулов Д.В., Сушенцов А.А., Тимофеев И.Н.* Война и мир 21 века. Международная стабильность и баланс нового типа: Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М.: Валдайский клуб, 2016.
- Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Бек У.* Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008.
- Боулз С.* Микроэкономика. Поведение, институты и эволюция. М.: Дело, 2011.
- Був М.* Бизнес в обществе, не готовом ждать // Ведомости. № 3727. 01.12.2014 [Электронный ресурс] / URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/12/01/kazino-rossiya> (дата обращения: 20.11.2016).
- Був М.* Ориентация на прошлое // Ведомости. № 4153. 04.09.2016.
- Волков Д.* Социология: Будущее темно // Ведомости. № 4134. 09.08.2016.

Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности. Совместное исследование ИМЭМО РАН и Атлантического совета / Под ред. А. Дынкина, М. Барроуза. Пер. с англ. М.: ИМЭМО РАН, 2016.

Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. 2012. №12. С. 3-11.

Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Мечты россиян и реальность демоскопии // Полис. Политические исследования. 2013. №5. С.7-26.

Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.

Дубин Б. Координата будущего в общественном мнении России // Пути России. Будущее как культура: Прогнозы, репрезентации, сценарии. Том XVII. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 500-513.

Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Основные подходы к исследованию групповой рефлексивности в социальной и организационной психологии // Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее: материалы международной научно-практической конференции. Саратов, 2011. С. 17-19.

Емельянова Т.П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Основные подходы к исследованию групповой рефлексивности в социальной и организационной психологии // Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее: Материалы международной научно-практической конференции. Саратов, 2011. С. 17-19.

Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Психологический журнал. 2012. Том 33, № 4. С. 27-38.

Историческая психология: предмет, структура и методы. М.: МГСА, 2004.

- Задорин И.В., Мальцева Д.В., Петухов В.В.* Российское общество – 2020: экспертный образ будущего // Экономические стратегии. 2016. Т. 18. № 3 (137). С. 32-55.
- Ключарев В.А., Шмидс А., Шестакова А.Н.* Нейроэкономика: нейробиология принятия решений // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 2. С.14-35.
- Культура и поведение в организации: российский опыт. М., 2008.
- Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л.* Ценностно-смысловая рациональность экономического поведения населения современной России // Психология в экономике и управлении. 2010. № 2. С. 15-23.
- Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Милов Г.* Российские топ-менеджеры получают больше европейских коллег. И по бонусам наши топы тоже впереди Европы всей // Ведомости. 20.10.2011.
- Муздыбаев К.* Переживание времени в период кризисов // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 4. С. 5-21.
- Наумова Н.Ф.* Время человека // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 159-176.
- Национальная программа «Российская деловая культура». М.: Торгово-промышленная палата РФ, 1997.
- Нестик Т.А.* Социальное конструирование времени // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 12-21.
- Нестик Т.А.* Коллективный образ будущего: социально-психологические аспекты прогнозирования // Вопросы психологии. 2014 (а). № 1. С. 3-13.
- Нестик Т.А.* Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014 (б).
- Нестик Т.А.* Социально-психологическая детерминация группового отношения к времени: Дисс. ... докт. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2015.

Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Управление совместной деятельностью в условиях неопределенности: основные направления и перспективы исследований // Психология управления в современной России: теория, эмпирические исследования, практика: материалы международной научно-практической конференции. Тверь: ТвГУ и др., 2010. С. 4-11.

Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И.Т.Фролова / Отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2015.

О чем мечтают россияне (размышления социологов): Аналитический доклад / Под ред. М.К. Горшкова. М.: Институт социологии РАН, 2012.

Петренко Е.С. Стиль жизни и историческая память россиян о событиях 1985-1999 годов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 5 (105). С. 73-80.

Полтерович В.М. О формировании системы национального планирования в России // Журнал новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 237-242.

Полтерович В.М. Институциональные реформы и гражданская культура // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 2-2. С. 225-238.

Проблемы субъектов в постнеклассической науке. М.: Когито-центр, 2007.

Прогресс психологии: критерии и признаки. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.

Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты /Отв. ред. В.С. Степин. М.: Наука, 2007.

Рувинский В. Сериальный заказ. Какую картину мира выбирают российские телезрители // Журнал "Коммерсантъ Деньги". №37. 19.09.2016. С. 11.

- Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Совместная деятельность: Методология, теория, практика. М.: Наука, 1988.
- Совместная деятельность: методы исследования и управления. М.: Институт психологии РАН, 1992.
- Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2-х т. Том 1. М.: ИСПИ РАН, 2014.
- Солдатова Г.У., Нестик Т.А.* Молодежь в сети: сила и слабость социального капитала // Образовательная политика. 2010. № 4 (42). С.10-29.
- Солдатова Г.У., Нестик Т.А.* Историко-эволюционная перспектива человечества: от парадигмы конфликта к парадигме толерантности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2. С. 15-24.
- Соснин В.А., Журавлев А.Л.* Коррупция в России как политическая и социально-психологическая проблема // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2013. № 4 (67). С. 6-16.
- Тимофеев И.Н.* Мировой порядок или мировая анархия? Взгляд на современную систему международных отношений. Рабочая тетрадь № 18/2014; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2014.
- Ушаков Д.В., Журавлев А.Л.* Образование и конкурентоспособность нации: психологические аспекты// Наука. Культура. Общество. 2008. № 3. С. 99-108.
- Юревич А.В., Журавлев А.Л.* Количественная оценка психологического состояния современного российского общества // Современная социальная реальность России и государственное управление: Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2-х т. Том 1. М.: ИСПИ РАН, 2014.
- Adam B.* Towards a Twenty-First-Century Sociological Engagements with the Future // Insights. 2011. V. 4. №. 11. P. 1-18.

- Arnold K.M., McDermott K.B., Szpunar K.K.* Individual differences in time perspective predict autonoetic experience // *Consciousness and Cognition*. 2011. V. 20. P. 712-719.
- Axelrod R.* The evolution of cooperation. New York: Basic Books, 1990 [1984].
- Barbrook R.* Imaginary futures. From Thinking Machines to the Global Village Pluto Press, London, 2007.
- Bartholon E.* Uncertainty, Expectations and Financial Instability: Reviving Allais's Lost Theory of Psychological Timeж. N.Y.: Columbia University Press, 2014.
- Baumeister R.* Collective Propection: The Social Construction of the Future // *Seligman M., Railton P., Baumeister R., Sripada Ch.* Homo prospectus. Oxford – N.Y.: Oxford University Press, 2016. P. 133-153.
- Beckert J.* Imagined futures: fictional expectations in the economy // *Theory and Society*. 2013. V.42 (3). P. 219-240.
- Berns G.S., Laibson D., Loewenstein G.* Intertemporal choice--toward an integrative framework // *Trends in Cognitive Sciences*. 2007. № 11(11). P. 482-488.
- Bore I.-L. K., Reid G.* Laughing in the Face of Climate Change? Satire as a Device for Engaging Audiences // *Public Debate Science Communication*. 2014. V. 36. № 4. P. 454-478.
- Borup M., Brown N., Konrad K., Van Lente H.* The sociology of expectations in science and technology // *Technology Analysis & Strategic Management* 2006. V. 18(3-4). P. 285-298.
- Buckner R.L.* The role of the hippocampus in prediction and imagination // *Annual Review of Psychology*, 2010, V. 61. P. 27-48.
- Corral-Verdugo V.* The positive psychology of sustainability // *Environment, Development & Sustainability*. 2012. V. 14. № 5. P. 651-666.
- Daly M., Delaney L., Harmon C.P.* Psychological and biological foundations of time preference // *Journal of the European Economic Association*. 2009. V. 7 (2-3). P. 659-669.
- Eibl-Eibesfeldt I.* In der Falle des Kurzzeitdenkens. München–Zürich: Piper, 2000.

Forelle Ch., Benoit D. Activists Beware: Huge Investors Debut New Long-Term Index // *The Wall Street Journal*. Jan. 21, 2016.

Frederick S., Loewenstein G., O'Donoghue T. Time discounting and time preference: a critical review // *Journal of Economic Literature*. 2002. V.40. № 2. P. 351-401.

Friedman R.S., Foerster J. Effects of Motivational Cues on Perceptual Asymmetry: Implications for Creativity and Analytical Problem Solving // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. V. 88. № 2. P. 263-275.

Gaidos S. Thanks for the future memories // *Science News*. 6/21. 2008. V. 173 Issue 19. P. 26-29.

Ganesan Sh. Determinants of long-term orientation in buyer-seller relationships // *Journal of Marketing*, 1994. V. 58. № 2. P. 1-19.

Gjesme T. Some Factors Influencing Perceived Goal Distance in Time: A Preliminary Check // *Perceptual Motor Skills*. 1981. V. 53 (Aug.). P. 175-182.

Grijalva Th.C., Lusk J.L., Shaw W.D. Discounting the Distant Future: An Experimental Investigation // *Environmental & Resource Economics*. 2014. V. 59. P. 39-63.

Halfmann K., Hedgcock W., Denburg N.L. Age-Related Differences in Discounting Future Gains and Losses // *Journal of Neuroscience Psychology and Economics*. 2013. V. 6 № 1. P. 42-54.

Hardisty D.J., Weber E.U. Discounting the future green: Money versus the environment // *Journal of Experimental Psychology*. 2009. V. 138 (3). P. 329-340.

Hardisty D.J., Appelt K.C., Weber E.U. Good or bad, we want it now: Fixed-cost present bias for gains and losses explains magnitude asymmetries in intertemporal choice // *Journal of Behavioral Decision Making*. 2013. V. 26. P. 348-361.

Hendrickx L., Nicolaij S. Temporal discounting and environmental risks: The role of ethical and loss-related concerns // *Journal of Environmental Psychology*. 2004. V. 24. № 4. P. 409-422.

- Hofstede G., Bond M.H.* The Confucius connection: From cultural roots to economic growth // *Organizational Dynamics*. 1988. V. 16(4). P. 4-21.
- Hofstede G.* Culture's consequences, comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations. Thousand Oaks CA: Sage Publications, 2001.
- Hofstede G., Minkov M.* Long- versus short-term orientation: new perspectives // *Asia Pacific Business Review*. 2010. V. 16. № 4. P. 493-504.
- Javidan M.* Forward-thinking cultures // *Harvard Business Review*. 2007. V. 85. № 7/8. P. 20.
- Kelly H.H., Thibaut J.W.* *Interpersonal Relations: A Theory of Interdependence*. N.Y.: John Wiley & Sons, 1978.
- Kwan D., Carson N., Addis D.R., Rosenbaum R.S.* Deficits in past remembering extend to future imagining in a case of developmental amnesia // *Neuropsychologia*, 2010, V.. 48(11). P. 3179-3186.
- Maddux W.M., Yuki M.* The “ripple effect”: Cultural differences in perceptions consequences of events // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2006. V. 32. P. 669-683.
- Martin R.L.* Yes, Short-Termism Really Is a Problem // *Harvard Business Review*. October 09, 2015.
- McClure S.M., Laibson D.I., Loewenstein G.F., Cohen J.D.* Separate Neural Systems Value Immediate and Delayed Monetary Rewards // *Science*. 2004. № 306 (5695). P. 503-507.
- Merton R.K.* The Self-Fulfilling Prophecy // *Antioch Review*. 1948. V. 8. P. 193-210.
- Milfont T.L., Gapski E.* Cross-cultural differences in time orientations: Integrating culture-level data. Paper presented at the 20th Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology, Melbourne, Australia, July, 2010.
- Myers T., Nisbet M., Maibach E., Leiserowitz A.* A public health frame arouses hopeful emotions about climate change // *Climatic Change*. 2012. № 113. P. 1105-1112.
- Novak M., Highfield R.* *SuperCooperators. Altruism, Evolution and Human Behaviour Or Why We Need Each Other to Succeed*. Free Press 2010.

- O'Neill S., Nicholson-Cole S.* "Fear won't do it": promoting positive engagement with climate change through visual and iconic representations // *Science Communication*. 2009. V. 30. № 3 P. 355-279.
- Odum A.L.* Delay discounting: Trait variable? // *Behavioural Processes*. 2011. V. 87. № 1. P. 1-9.
- Polak F.* The image of the future. L. – N.Y.: Elsevier Publishing, 1973.
- Preis T., Moat H.S., Stanley H.E., Bishop S.R.* Quantifying the advantage of looking forward // *Scientific reports*. 2012. V. 2. 350; doi:10.1038/srep00350
- Putnam R.* Bowling Alone: The collapse and revival of American community. N.Y.: Simon & Schuster, 2000.
- Rakow T., Heard C.L., Newell B.R.* Meeting Three Challenges in Risk Communication: Phenomena, Numbers, and Emotions // *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*. October 1. 2015. № 2. P. 147-156.
- Rhee S.-E.* Group emotions and group outcomes: the role of group-member interactions // *Affect and Groups. Research on Managing Groups and Teams*. Ed. by E.A. Mannix, M.A. Neale, C.P. Anderson. V. 10. Oxford, UK: Elsevier Ltd., 2007. P. 65-95.
- Roberts W.A.* Are animals stuck in time? // *Psychological Bulletin*. 2002. V. 128. P. 473-489.
- Samuel L.R.* Future: A Recent History. Austin, TX: University of Texas Press, 2009.
- Shin S.K., Ishman M., Sanders G.L.* An empirical investigation of socio-cultural factors of information sharing in China // *Information & Management*. 2007. V. 44. № 2. P. 165-174.
- Sinfield J., Trotter A.* How CFOs Can Take the Long-Term View in a Short-Term Economy // *Harvard Business Review*. March 15, 2016.
- Snell R.S., Hui S.S.K.* Towards the Hong Kong Learning Organisation: an exploratory case study // *Journal of Applied Management Studies*. 2000. V. 9. № 2. P. 149-175.
- Spector P.E.* An International Study of the Psychometric Properties of the Hofstede Values Survey Module 1994: A Comparison of Individual and

Country/Province Level Results // *Applied Psychology: An International Review*. 2001. V. 50. № 2. P. 269-281.

Spreng R.N., Mar R.A., Kim A.S.N. The Common Neural Basis of Autobiographical Memory, Prospection, Navigation, Theory of Mind, and the Default Mode: A Quantitative Meta-analysis // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2009. V. 21. Issue 3. P. 489-510.

Stevens J.R. Mechanisms for Decisions about the Future // *Animal Thinking: Contemporary Issues in Comparative Cognition*. Ed. by R. Menzel & J. Fischer. Cambridge, MA & London: The MIT Press, 2011. P. 93-104.

Stevens J.R., Cushman F.A., Hauser M.D. Evolving the Psychological Mechanisms for Cooperation // *Annual Review of Ecology Evolution and Systematics*. 2005. V. 36. P. 499-518.

Tanaka S.C., Yamada K., Yoneda H., Ohtake F. Neural mechanisms of gain-loss asymmetry in temporal discounting // *The Journal of Neuroscience*. 2014. V. 34 (6). P. 5595-5602.

Thaler R. Some empirical evidence on dynamic inconsistency // *Economic Letters*. 1981. V. 8. № 3. P. 201-207.

Van Lente H. Navigating foresight in a sea of expectations: lessons from the sociology of expectations // *Technology Analysis & Strategic Management*. 2012. V. 24 (8). P. 769-782.

Venaik S., Zhu Y., Brewer P. Looking into the future: Hofstede long term orientation versus GLOBE future orientation // *Cross Cultural Management*. 2013. V. 20. № 3. P. 361-385.

Wang M., Riegerb M.A. Hensc T. How time preferences differ: Evidence from 53 countries // *Journal of Economic Psychology*. 2016. V. 52. P. 115-135.

Zaleski Z. Behavioral effects of self-set goals for different time ranges // *International Journal of Psychology*. 1987. V. 22. P. 17-38.

Zhang K., Fang P., Goetz Th., Ringo J. Antecedents and Consequences of Group Emotions: Empirical Evidence from China. Presented at the 13th European Congress of Psychology (Stockholm, Sweden, 9-12 July 2013).